

Муниципальное учреждение
Торопецкого района «Торопецкая центральная библиотека»
Сектор краеведения

Вячеслав Воробьёв

От Бородина до сибирской ссылки

Торопец 2012 г.

Как сказал поэт, «бывают странные сближенья...» В 1907 году, в период краткой цензурной оттепели, вызванной Первой русской революцией, вышел из печати труд известного русского историка Владимира Семевского «Галерея шлиссельбургских узников». Одним из персонажей этой книги стал офицер и декабрист Иосиф Поджио.

А «сближенье» состоит в том, что оба — автор и герой — были дворянами Торопецкого уезда. Род Семевских дал в XIX веке несколько крупных личностей, среди которых наиболее известен издатель и журналист Михаил Иванович и его брат историк Владимир Иванович. В характере торопчан есть такая заметная черта, как ощущение неразрывной связи со своей удивительной малой родиной, где бы они ни жили, где бы ни оказались — в Китае или в Сан-Франциско, в кругосветном плавании или в российской столице. Причём это не просто ощущение, а потребность сделать что-то хорошее для Торопецкой земли: написать книгу о ней, пожертвовать деньги на храм, помочь молодому торопчанину сделать карьеру в Москве или Петербурге, сказать добрые слова о родном городе на аудиенции у государя или важного вельможи. Таких примеров столь много, что можно уверенно говорить о закономерности.

Владимир Семевский писал о Поджио, прежде всего, как о члене тайного общества, имевшего целью свержение самодержавия в России. В тексте есть только упоминание о том, что он участвовал в Бородинском сражении и в Заграничном походе русской армии. Но мы публикуем очерк Семевского почти полностью, с небольшими сокращениями, отдавая дань памяти этому человеку и его судьбе.

«И.В. Поджио происходит из древней итальянской фамилии. Отец его имел имение и жил в конце прошлого столетия, во время Французской революции, в верхней Италии, в Пьемонте, в провинции Новара. Он был дружен с одним из тех французских легитимистов, которые вследствие революции переселились в Россию, и этот приятель уговорил Поджио-отца перебраться в Одессу, где он вместе с герцогом Ришелье, Ланжероном и Де-Рибасом сделался одним из первых устроителей этого города. Он выстроил там себе дом и приобрёл имение в 500 душ в Чигиринском уезде Киевской губернии.

Иосиф Викторович родился в 1792 г. и воспитывался в Петербурге в благородном пансионе при иезуитской церкви, открытом в 1803 г. (он был по вероисповеданию католик). Учебный план этого заведения был рассчитан на шесть лет... Иосиф Викторович вступил в пансион, вероятно, в год его открытия, так как он окончил курс в 1809 г. Затем он прожил два года у родителей, а в 1811 г. поступил в военную службу подпрапорщиком в гвардейский Преображенский полк. Он участвовал в Бородинском сражении и в конце 1812 г. получил первый офицерский чин. В следующем году он участвовал в заграничном походе и был в сражениях при Люцине и Бауцене, осенью же нёс службу в герцогстве Варшавском при блокаде и сдаче крепости Модлин. В 1818 г. он вышел в отставку в чине штабс-капитана. В первый раз Поджио был женат на дочери статского советника Елизавете Матвеевне Челищевой /торопецкой дворянке. — В.В./, которая умерла в первой половине 1820-х гг. От этого брака у него было четверо детей.

Из показания И.В. Поджио на следствии видно, что он более всего интересовался французскою литературою, занимался также историею и математикою. Первые вольнодумные и либеральные мысли он заимствовал с 1820 г. не «по внушению других», а из чтения книг и газеты «Constitutionnel». Эти мнения укрепились в нем вследствие размышлений о том, что Североамериканские Штаты находятся в блестящем положении сравнительно с тем, что они были до войны с Великобританией, и о том, что Англия и Франция процветают, тогда как состояние Испании самое жалкое.

В апреле 1824 г. Поджио встретился с декабристом, членом Южного Общества, В.Л. Давыдовым в имении его сестры г-жи Бороздиной. Здесь Давыдов, с которым

Поджио был знаком и прежде, предложил ему вступить в тайное общество и получил его согласие. При этом Давыдов открыл Поджио, что общество имеет в виду лишить жизни государя и царскую фамилию и учредить республику, во главе которой должны были находиться Директория, Сенат и Камера представителей, а также, что члены общества есть во всех частях государства и даже во флоте...

На следствии Иосиф Викторович дал такое объяснение своего вступления в общество. Когда Давыдов предложил ему это, Поджио был влюблён в его племянницу Марию Андреевну Бороздину и боялся, что, отказавшись от предложения её дяди, навлечет на себя его гнѐв и лишится возможности видѐться в его доме с любимой девушкой, так как у ее матери он бывал очень редко — раз или два в год. Девушка эта, дочь сенатора Бороздина, была очень хороша собой; у Поджио было много соперников, но он, сам очень красивый, восторжествовал над всеми и женился на ней, против воли её отца, в 1825 г.

Когда на юге начались аресты членов тайного общества, в имени Поджио был арестован декабрист Лихарев, а затем и младший брат Иосифа Викторовича — Александр. Через 8 дней после того был взят и сам Иосиф Викторович. Он оставил четверых детей от первого брака, вторую жену почти накануне родов и старуху мать, которой было более 60 лет. Судя по письму Поджио из крепости к генералу Леваиѐву, материальное положение его семьи в это время было весьма незавидное. За несколько лет перед тем они с братом проиграли процесс и заплатились значительной суммой, что вместе с долгами, сделанными им во время службы, довело общую сумму долгов до 80000 р. Поэтому, имея лишь 211 душ крестьян, он, при своём многочисленном семействе, должен был неустанно заниматься хозяйством.

21 января 1826 г. И.В. Поджио по привозе в Петербург дал первое показание на допросе у ген.-ад. Леваиѐва и затем, как и другие декабристы, был приведѐн к имп. Николаю, который велел отправить его в крепость, предписав коменданту содержать его «строго, но хорошо».

В крепости, хотя, вероятно, не сразу, ему было дозволено писать родным, но не разрешили свидание с женою, потому что тесть его хотел во что бы ни стало, чтобы дочь порвала всякую связь с мужем. С этою целью он не только не соглашался пускать Марию Андреевну в крепость, но принял все меры, чтобы письма как мужа к жене, так и жены к мужу не доходили по назначению.

Верховным судом И.В. был обвинѐн в том, что «участвовал в умысле на царевубийство согласием и даже вызовом, но потом изменившимся и с отступлением от оногo»; обвинѐн был и в том, что «принадлежал к тайному обществу с знанием цели и знал о приготовлении к мятежу». Он был отнесѐн к четвертому разряду преступников и приговорѐн, по лишении чинов и дворянства, к ссылке в каторжную работу на 12 лет и потом на поселение. По манифесту 22 августа 1826 г. срок каторги был понижен до 8 лет.

Как ни старался тесть Поджио Бороздин очернить зятя в глазах дочери, она всё рвалась к мужу и сильно тосковала, не имея возможности добиться о нём известий. Когда после решения Верховного суда декабристов начали отправлять в Сибирь, и некоторым их жѐнам удалось добиться разрешения разделить судьбу мужей, то и М.А. Поджио стала собираться в дальний путь, надеясь разыскать своего мужа в Сибири. Тогда Бороздин прибегнул к бесчеловечному средству, чтобы навсегда разлучить дочь с мужем: он стал хлопотать о том, чтобы его зять был не отправлен в Сибирь, а оставлен в крепости. При больших связях Бороздина ему удалось добиться повеления имп. Николая в октябре 1827 г. заключить И.В. Поджио в Шлиссельбургскую крепость. Для родных Поджио и его жены осталось неизвестным, где он находится. 21 марта 1828 г. Мария Андреевна обратилась из Москвы к

Бенкендорфу с письменною просьбою открыть ей местопребывание её мужа, так как она желает отправиться к нему. Бенкендорф 6 апреля приказал сообщить «жене государственного преступника» Поджио, что «ещё не имеется положительного сведения о местопребывании его», хотя, конечно, III Отделению было прекрасно известно, где он находится.

8 апреля 1828 г. Бороздин написал Бенкендорфу письмо, в котором говорит, что его старшая дочь (ей в то время было 22 года), вышедшая замуж против его воли, может отправиться в Сибирь не иначе, как подвергшись его проклятию. Но он желает уничтожить её сомнения относительно того, доходит ли до И.В. помощь, адресуемая для обоих Поджио в Читинский острог. Бенкендорф отвечал: «Иосиф Поджио не находится ещё в Читинском остроге, но я могу вас уверить, милостивый государь, что он аккуратно получает все письма, вещи и деньги, отправляемые при моём посредстве».

18 августа того же года М.А. Поджио из имени мужа обратилась чрез III Отделение с прошением на имя государя; она просила объявить ей, где находится её муж, чтобы она могла, «соединясь с ним, исполнять до конца своей жизни... данную пред Богом клятву не оставлять его в несчастии и быть истинною матерью пятерых его сирот и нежнейшею дочерью престарелой его матери. Я желаю облегчить хотя несколько несчастный жребий мужа моего и по прошествии некоторого времени возвратиться к детям его, зная, что во мне одной состоит вся их подпора».

Ответа на это не последовало.

В марте 1828 г. в III Отделение, чрез Главный штаб, было получено известие, что И.В. Поджио желает исповедаться. Его просьба была исполнена, и к нему был отправлен из Петербурга «католический монах» Шимановский.

В сентябре того же года комендант Шлиссельбургской крепости Колотинский сообщил в III Отделение, что Поджио, получая чрез эту канцелярию письма и деньги, «просит неотступно позволения писать к матери и жене своей единственно о своём здоровье, воспитании детей своих и некоторых домашних распоряжениях, не объявляя отнюдь о месте пребывания своего». Колотинский просил исходатайствовать это позволение. Ему отвечали, что государственным преступникам, осуждённым Верховным уголовным судом в каторжную работу, вовсе воспрещено писать, хотя получать письма им дозволено. Впрочем, III Отделение обещало войти с представлением по этому предмету. Только 13 января 1829 г. Бенкендорф составил записку, в которой упоминалось и о просьбе жены Поджио. Через начальника Главного штаба гр. Чернышёва она была доложена государю, который разрешил Поджио писать жене и матери только о своём здоровье и домашних делах, не объявляя о месте своего пребывания, с тем, чтобы письма представлялись открытыми ему, Чернышёву, а он будет препровождать их в III Отделение по назначению.

Поджио, разумеется, поспешил воспользоваться данным ему дозволением, но, очевидно, писать можно было лишь изредка. Первое письмо к жене было написано 31 января 1829 г., а следующие 28 мая, 30 июня (к матери и жене) и 13 сентября того же года. В последнем письме (к матери и семейству) Поджио уведомляет о получении им в разное время 500 руб., которые доставлялись ему через III Отделение...

22 февраля 1830 г. жена Поджио подала в Петербург в III Отделение просьбу на французском языке, которая показывает её полную растерянность. Она называет себя «вдовою живого мужа», говорит, что у неё есть ребёнок, «родившийся через несколько недель после ужасного события, которое отняло у него его несчастного отца», упоминает о том, что она находит убежище в чужом доме. Просьбе этой не было дано хода...

Нужно думать, что ещё в 1830 г. Марию Андреевну Поджио убедили разорвать

отношения к мужу; быть может, на неё повлияло то, что Бенкендорф, по-прежнему не открывал ей местопребывание мужа, а может быть, удалось повлиять на неё и отцу. Как бы то ни было, весьма знаменательно то, что в деле III Отделения мы не находим упоминания о письмах его в 1830 и 1831 гг. не только к жене, но и к матери, и вообще за эти годы он ничем не напоминает о себе шефу жандармов. По всей вероятности, Поджио находился в самом удручённом состоянии духа, не получая вестей от жены. Только 24 августа 1832 г. комендант Шлиссельбургской крепости донёс, что Поджио, «чувствуя себя в изнеможении сил», просил о присылке к нему священника, что и было исполнено. Очевидно, Поджио в 1830—1832 гг. перенёс сильное нравственное потрясение и тяжёлую болезнь. Молчание жены было для него, конечно, ужасным ударом, но, по свидетельству Белоголового, ни годы, ни заключение «не умалили его любви» к ней, и, отправляясь в ссылку в Восточную Сибирь по окончании срока заключения, он был уверен, «что найдет её там, а если нет, то выпишет её немедленно к себе»...

Единственным развлечением для Поджио в Шлиссельбургской крепости было чтение. Неизвестно, привез ли он с собою книги, или они были доставлены ему позднее, но когда срок его заключения кончился, у него было 319 томов книг, преимущественно религиозных и по истории Церкви, почти исключительно на французском языке...

Но чтение не могло, конечно, избавить И.В. от физических и нравственных страданий, и здоровье его видимо быстро разрушалось. Это видно из того, что, исповедавшись в феврале 1833 г., он, «чувствуя себя», по словам коменданта, «в весьма слабом состоянии», в июне попросил о присылке священника, что и было исполнено. В апреле 1834 г. вновь последовали исповедь и причащение...

10 июля 1834 г. истекал 8-летний срок каторжных работ, назначенный для И.В. Поджио манифестом 1826 г. и заменённый для него именным указом 1827 г. тюремным заключением в Шлиссельбурге. Государь приказал сослать его на поселение в Восточную Сибирь. Иосиф Викторович просил дозволить ему жить с братом Александром, который находился тогда в Петровском заводе, и потому велено было по окончании срока каторжных работ А.В. Поджио отправить его в то же место, где, будет поселён его старший брат.

10 июля 1834 г. Поджио после 8-летнего заключения по приговору был отправлен из Шлиссельбургской крепости с фельдъегерем в Восточную Сибирь и 11 августа был доставлен в Иркутск. Местом поселения ему было назначено село Усть-Кудинское Иркутского уезда в 26 верстах от Иркутска, при впадении р. Куды в Ангару. В октябре мать его, три месяца не получая от него писем, обратилась в III Отделение с вопросом, куда она должна писать сыну. Только тогда ей было открыто его новое местопребывание...

Младший брат И.В., Александр Викторович Поджио, был первоначально приговорён к бессрочной каторге, но в три приёма продолжительность её была сокращена до 13 лет, и до июля 1839 г. он должен был перейти на поселение. Теперь братья могли жить вместе, что, конечно, несколько облегчало страдания И.В. Любопытно, что Поджио-старший всё ещё ждал переезда к нему жены. «Хотя до брата и его друзей», говорит Н.А. Белоголовый, «дошло уже известие о вторичном браке жены Осипа Викторовича, но ни у кого не хватило духу сообщить эту весть ему и нанести новый удар бедняку, уже так много переиспытавшему в крепости, и который теперь со всем пылом итальянской фантазии строил планы о возобновлении своего так неожиданно и на такой длинный срок нарушенного семейного счастья. Пришлось некоторое время обманывать его и, мало-помалу подготавливая к удару, скрывать истину, пока она не была открыта ему, кажется, по просьбе декабристов, тогдашним ген.-губ. восточной Сибири Рупертом». И.В. не мог примириться с

изменою жены и до конца жизни вследствие этого тяжело страдал...

8 января 1848 г. И.В. Поджио умер в Иркутске в доме Волконских, куда приехал за два дня до смерти большой воспалением мозга и почти без памяти. Местный исправник сообщил губернатору, что после Поджио не осталось никакого имущества, так как он жил с братом, который заявил, что «оба они только необходимое содержание, и имущества отдельного» умерший не имел. Получив об этом донесение, III Отделение поднесло доклад имп. Николаю, как это делало о смерти и других декабристов».

Иосиф Викторович Поджио родился 30 августа или 22 ноября 1792 года в Николаеве. Прапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка он прошёл Отечественную войну 1812 года и Заграничный поход русской армии. В 1816 году он стал подпоручиком, а ещё через год — поручиком гвардии. 1 сентября 1818 года он уволился со службы по болезни в чине штабс-капитана.

В январе 1816 года Иосиф Поджио обвенчался в Торопце с Елизаветой Матвеевной Челищевой, дочерью торопецкого помещика и статского советника. В приданое невеста получила сельцо Знаменское с прилегавшими к нему землями в живописном месте на берегу большого озера Соломено, проточного на реке Торопе. На противоположном, западном, берегу озера стоит сам город Торопец. Через два года, после выхода Поджио в отставку, молодая семья переехала в имение Яновичи Киевской губернии, принадлежавшее матери Иосифа Викторовича. В апреле 1820 года Елизавета Матвеевна умерла, оставив молодому отцу четырёх малолетних детей: Софью, Наталью, Марию и двухмесячного Александра.

Впоследствии Александр Иосифович Поджио, гвардии корнет в отставке, обосновался в торопецком имении отца сельце Знаменском. При нём здесь была перестроена сохранившаяся до наших дней каменная Знаменская церковь, приписанная в ту пору к Корсунско-Богородицкому собору Торопца, выстроен двухэтажный каменный усадебный дом и разбит парк на английский манер. Сюда же приехал в 1859 году из Сибири после каторги и ссылки и его дядя декабрист Александр Викторович Поджио. Впоследствии он ездил отсюда в Швейцарию и Флоренцию, а с 1863 года несколько лет прожил за границей, где сблизился с Александром Герценом. Александр Викторович умер в 1873 году и похоронен в черниговском имении декабриста Сергея Волконского.

Литература:

Матханова Н. П. Декабрист А. В. Поджио и его воспитанники братья Белоголовые // Сибирь и декабристы. Вып. 1. — Иркутск, 1978. — С. 89 – 102.

Поджио А. В. Как нас судили // И дум высокое стремление / сост. Н.А. Арзуманова. — М., 1980. — С. 147-154.

Поджио А. В. Записки, письма / изд.-е подгот. Н. П. Матханова. — Иркутск, 1989. — 592 с. — ил.

Поджио Иосиф Викторович // Иркутск: энцикл. слов. — Иркутск, 2006. — С. 266.

Поклонник истины святой. — М., Русский путь, 1999

Попов А.А. Декабристы – псковичи. — Л., 1980

Сергеев М. Верстами не измерить // Факел. 1990: Ист.-рев. Альманах, - М, 1990.